

Циркулярно

Rundschreiben

Распоряженія и Сообщенія

Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, Митрополита
Литовскаго и Виленскаго, Экзарха Латвіи и
Эстоніи

Verfgungen und Mitteilungen

des Metropoliten von Litauen und Wilna, Exarchen
von Lettland und Estland Sergius

N 1

Riga, Kr. Baronsstr. 126

1944

ДВА ГОДА ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО ЕКАЗАРХАТА

В ПРИГАЛТИКЕ

/ 1941-1943 /

В состав Прибалтийского Екзархата входят три Епархии, — Литовская, Латвийская и Эстонская. Их границы, ранее совпадавшие с границами соответствующих республик, сдвигают ныне с границами одноименных генеральных областей. Со временем возникновения упомянутых республик границы Эстонской и Латвийской Епархий остались неизменными, тогда как границы Литовской епархии несколько расширились благодаря тому, что к Литве была присоединена в 1929 г. Виленская область, а в 1942 г. небольшая часть Белорусской территории.

По своему национальному составу назанные Епархии не единаковы. К Литовской епархии ныне принадлежит приблизительно 60.000 верующих; это они русские по национальности, — преимущественно великороссы, но отчасти также и белоруссы; приходы Епархии разбросаны по разным местам Литвы, где живут русские. К Латвийской Епархии принадлежит приблизительно 200.000 верующих, — в том числе около 150.000 русских и 50.000 латышей; русские приходы сосредоточены преимущественно в Латгалии, где русское население многочисленно, и в Риге, где русских также гораздо много. К Эстонской Епархии принадлежит приблизительно 200.000 верующих, в том числе около 110.000 эстонцев, 80.000 русских и 10.000 сетуров; эстонские приходы сосредоточены преимущественно в Печерском, Причулском и Приневском краях, имеющих многочисленное русское население. В жизни назанных епархий видное место занимают следующие монастыри: Св. Духовский в Вильне /мужской/, Св. Марииинский в Вильне /женский/, Св. Троице-Сергиев в Риге /женский/, Успенский в Печерах /мужской/ и Успенский в Пюхтице /женский/; все монастыри, по национальности своих насельников и насельниц, — русские.

Со времени приобретения Литвой, Латвией и Эстонией самостоятельности жизнь православных епархий в этих странах разыгралась неодинаковым образом. Тогда как Литовская епархия, твердо руководимая своим Архиепископом, Митрополитом Елевферием /Богоявленским, сконч. 1 января 1941 г./, сохранила свою каноническую принадлежность к Российской Православной Церкви, епархии Эстонская и Латвийская, следуя исключительно политическим соображениям и без всяких к тому канонических оснований, самочинно откололись от Российской Церкви и были затем без ее согласия приняты в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Этую схизму с Пороково-Матерью Эстонская епархия учинила в 1923 г., а Латвийскую — в 1926 г. Обе епархии во время учреждения схизмы вловствовали. В 1919 г. был убит первый префект "Эстонской епархии", Епископ Ревельский Иоанн /Кулембум/, и епархия находилась во временному окр-

— лени покойного Архиепископа Псковского Евсевия /Гризадове/, имевшего в то время жительство в Эстонии. На Епархиальном Съезде представителем был избран Протоиерей Александр Паулус, при котором и совершилась схизма, и который возведен был Константино-Польским Патриархом в сан Митрополита Ревельского. В 1934 г. был убит первый представитель Латвийской епархии, Архиепископ Рижский Иоанн /Гоммер/; на Епархиальном Съезде представителем епархии был избран Протоиерей Аугустин Петерсон, — под его начальством и была учреждена схизма, причем он получил титул Константино-Польского Патриарха сан Митрополита Рижского.

Российская Церковь никогда не признавала канонической законности отделения от нее изванных епархий и присоединения их к Константино-Польскому Патриархату. Ни сами епархии, ни Константино-Польский Патриарх не только не защищали согласия Московской Патриархии на такие перемены, но даже не известили ее об учреждении таких. Поставленная перед фактом столь грубого нарушения канонических правил, Московская Патриархия проклинила Высокопреосвященному Елевферию, Митрополиту Литовскому и Виленскому, временное окормление той части Эстонской, а затем и Латвийской церкви, которая пожелала бы воздержаться от схизмы. И действительно, как в Эстонии, так и в Латвии, многие верующие, преимущественно русские, были возмущены учрежденной против их воли схизмой и стремились сохранить каноническую связь с Церковью-Матерью. Однако, Митрополиту Елевферию не удалось выполнить возложенной на него задачи, ибо этому воспротивились правительства Эстонской и Латвийской республик, не пожелавшие допустить на своих территориях существования различных православных юрисдикций и оказавшие покровительство схизматикам. Это особенно подчеркнуло политическую обусловленность и принудительный характер схизмы, усиливя непрочность убежденных противников ее и породило во внутренней жизни называемых епархий тягостные нестроения.

Летом 1940 г. состоялось вынужденное присоединение Латвии, Эстонии и Литвы к Советскому Союзу. Православная Церковь в этих странах оказалась под угрою гонения, но, вместе с тем, стояли политические условия, породившие схизму. Воспользовавшись этим последним обстоятельством, стелльные приходы и даже церкви благочиния стали искать воссоединения с Российской Церковью, обычно обращаясь при этом к Митрополиту Елевферию с просьбой принять их в свое окормление. Под впечатлением этого факта и, вместе с тем, в силу сознания, что православным в Эстонии и Латвии "ролей-неволей" придется разделить тяжкую участь их собратьев по вере, живущих в других частях Советского Союза, тяга к воссоединению с Российской Церковью стала все сильнее обнаруживаться также и в тех кругах, к которым принадлежали зачинщики и поборники схизмы. Все это побудило митрополитов Рижского и Ревельского с состоявшимся тогда при них центральные органы перекрестного управления /т.н. "синоды"/ сбратиться к Московской Патриархии с ходатайствами о воссоединении. Следует особо подчеркнуть, что шаг этот был совершен ими вполне добровольно, без всяческого с чьей бы то ни было стороны принуждения.

Первые ходатайства указанного дела поступили в Московскую Патриархию уже в августе 1940 г. и затем неоднократно возобновлялись, ибо Патриархия, желая предварительно ознакомиться с положением на местах, мешала ответом. Лишь в конце декабря 1940 г. Патриархия удалось на краткий срок отправить для такого ознакомления в Ригу и Ревель Высокопреосвященного Сергия /Воскресенского/, Архиепископа Дмитровского. Ознакомившись с состоянием и настроением Латвийской и Эстонской епархий и выехав в Вильнюс для участия в погребении Митрополита Елевферия, Высокопреосвященный Архиепископ Сергий вернулся в конце января 1941 г. в Москву. На основании представленного им доклада Патриархия согласилась на воссоединение Эстонских и Латвийских схизматиков с Церковью-Матерью, но не иначе как третьим /покаянным/ чином, причем было признано возможным принять всех священнослужителей в ущем сане, осхранить же за митрополитами Александром и Аугустином полжение епархиальных архиереев было признано невозможным.

-3-

Лля завершения начатого дела воссоединения оба Митрополита, Августин и Александр, прибыли в Март 1941 г. в Москву, где они устно и письменно принесли присягу и клятвенно подтвердили обещание впредь хранить верность Церкви-Матери, а затем, за торжественным богослужением в Кафедральном Соборе, были приняты Епископом се в литургическое общение. Пречие Архиереи Эстонской и Латвийской епархий были приняты в общение тем же чином, но без вызова в Москву. Архиереи в то время состояли: в Эстонской Епархии - Епископ Нарвский Павел/Дмитревский/ и напечатанный Архиепископ Николай/Лейман/ бывш. Печерский, а в Латвийской Епархии - Епископ Малонский Александр/Витол/ и Епископ Митавский Иаков/Карл/.

Одновременно с утверждением схизмы Патриархия указом от 24 февраля 1941 г. № 10 учреждена Экзархия, как особую Митрополичью область, к которой принадлежат Епархии Литовская, Латвийская и Эстонская. Экзархом этой области был назначен Высокопреосвященный Сергий, перемещенный к тому времени с кафедры Архиепископа Дмитревского на вновь созданную Литовскую кафедру, причем ему был усвоен титул Митрополита Литовского и Рыненского, Патриаршего Экзарха Латвии и Эстонии. Все Архиереи назначены области, в том числе Митрополиты Александр и Августин были временно при этом поставлены в положение Викариев Экзарха, которому и было поручено распределить между ними архиепископское скромление приходов. В каждой из Епархий было предписано учреждение подчиненный Экзарху Епархиальный Совет. Резиденцией Экзарха была назначена Рига.

2-го апреля 1941 г. Высокопреосвященный Митрополит Сергий прибыл в Ригу и вступил в управление Экзархатом. Право ступить из Москвы в Ригу было предоставлено ему лишь на восемимесячный срок. В то время в Литовской епархии не было Высокопреосвященного Архиерея, и Высокопреосвященный Экзарх принял ее в личное свое управление /в Епархии состоял тогда лишь бывший ее представитель, находившийся Архиепископ Феодосий/, престарелый и тяжко больной; сконч. 20 ноября 1943 г./. Управление Эстонской Епархии Высокопреосвященный Экзарх поручил Митрополиту Александру, причем русские приходы, по примеру прежних лет были поручены архиепископскому смотрению Преосвященного Павла Епископа Нарвского. При устроении латвийской Епархии произошли некоторые затруднения, потому что Митрополит Августин, которому предполагалось поручить управление ею, не пожелал удовлетворить положением Викарного Архиерея и, намереваясь уйти на покой, подал прошение об увольнении в длительный отпуск. Посему Высокопреосвященный Экзарх временно принял также и Латвийскую Епархию в свое личное управление, предоставив, однако, при этом латышские приходы архиепископскому смотрению Преосвященного Александра Епископа Малонского.

Летом 1941 г. Прибалтика была занята Германской Армией. Это событие открыло перед Церквью возможность безболезненного существования и свободного развития. Вместе с тем, это событие несколько изменило положение Экзархата по отношению к Епархии, прекратив возможность сношений с нею. По силе известного Указа Святейшего Патриарха Тихона церковные области, лишенные возможности сноситься с Патриархией, временно, впредь до восстановления такой возможности, управляются автономно. В таком едином положении и оказался Экзархат. Временная администрация предложила Высокопреосвященному Экзарху самостоятельно управлять автономной ему церковной областью, устраивая таковую сообразно с изменившимся обстановкой и, вместе с тем, сохраняя непримиримой каноническую связь Экзархата с Рижской Православной Церковью. Остается, однако, открытый вопрос о том, как отнесутся к сохранению этой связи государственная власть и сама паства. Дальнейшее показало, что Германская власть, обеспечивая свободу исповеданий и благожелательно относясь к церковным нуждам, тем не менее, несмотря на служную политическую обстановку, колебать канонические устои Православной Церкви в Прибалтике, тогда как паства не вся и не вполне понимают необходимость держаться этих священных устоев.

Дело в том, что в Латвии и Эстонии, почти сразу после занятия их германскими войсками, вновь вспыхнула только что изжитая схизма, которая и на этот раз

— 4 —

была внутрь исклю^{чительно} политическими мотивами и никаких церковных оснований под собой не имела. Губорники схизмы стараются оправдать свое замечание преимущественно указанием на неприемлемость той политической позиции, которую официально занимает Патриархия. Политическое же не согласие с ней выдвигают за достаточное основание для канонического разрыва. А, между тем, принадлежность к Церкви обязывает лишь к единству догматического и канонического сознания, но отнюдь не к единству мозгания политического. И нет посему никакого противоречия в том, чтобы принадлежать к Российской Православной Церкви и одновременно отвергать самым решительным образом политические высказывания тех или иных предстарателей ее, хотя бы они и стояли на самой вершине ее иерархии. Так именно и поступает Высокопреосвященный Экзарх, когда он, купно со всеми архиепископами, пастырями и пасомыми Экзархата, исповедует свою каноническую принадлежность к Матери Церкви Российской, осуждает самочинный раскол с нею и, вместе с тем, призывает к ее освобождению от ига безбожников, молится о сокрушении их власти и отмежевывается от политических выступлений, навязанных ими Московской Патриархии. Я отличие от сего, самочинный разрыв канонической связи с Церковью Матерью, к тому же на ссылающийся в свое оправдание ни на догматические, ни на канонические, а единствено лишь на политические основания, не имеющие к мистическому существу Церкви Христовой никакого отношения, нельзя не признать великим грехом и тяжким преступлением.

Помимо только что указанного, собственно политического мотива, схизма влохоняется, однако, еще и другим мотивом, сообщающим ей резко выраженный националистический характер. Это обусловлено тем, что схизматики постарались предстартить разрыв с Российской Церковью как национально-эстонскую или, соответственно, национально-латышскую задачу. Они вообразили, что национальные интересы из народов пострадают, если немногочисленные эстонцы и латыши православного вероисповедания будут в вопросах этого вербисповедания подчинены канонической юрисдикции Российской, а не какой-либо другой автокефальной Церкви. Далее, они вообразили, что национальные интересы их народов требуют, чтобы и русское православное население Латвии и Эстонии также принадлежало не к Российской, но к той же автокефальной Церкви, примкнуть к которой эстонцы и латыши считут для себя наиболее выгодным в национальном отношении. Наконец, они вообразили, будто имеют право по собственному усмотрению, самочинно, выйти из канонической юрисдикции Церкви-Матери и напроситься в каноническую юрисдикцию любой автокефальной Церкви или даже просто, не сносясь с последней, заявить о своей принадлежности к ней. Дав религиозному вопросу о схизме стать ложной, совершившо нерелигиозную постановку, тоже чуждую христианского духа, и стараясь заглушить спор с канонической правде столкновением национальных интересов и разжиганием национальных страстий, эстонские и латышские схизматики привлекли на свою сторону сочувствие своих инославных сплеменников и заручились влиятельным покровительством послелных, что, в виду напряженных условий военного времени, поставило православных противников схизмы, и прежде всего русских, в чрезвычайно тягостное положение, проявившееся с особенной силой в Эстонии, вследствие чего некоторые из наиболее оробых противников схизмы примкнули там к ее сторонникам. Националистическое оправдание раскола с Матерью-Церковью, несомненно, свидетельствует о том, что схизматики совершенно забыли о вселенском и, стало быть, сверхнациональном характере Православия, которое одинаково покрывает Христовой любовью все народы и не позволяет одной национальности обижать другую. В Экзархате строго пропорится это высокое христианское начало, не оказывается никакого предпочтения одной народности перед другой и всем, кому чужд чисто-славянский язык, обеспечивается богослужение на их родном языке. Посему пастырь

Экзархата живет в единении и мире и не знает в среле своей национальных пристрастий и распрай.

Рачиниками и галвами виновниками возобновления схизмы оказались митрополиты Рижский Агустин и Ревельский Александр, забывшие о своем недавнем послушании и бешенли соблюдать верность Церкви-Матери. Оба они стремились это, заявляли о своем возвращении в юрисдикцию Константинопольского Патриарха и стали того же требовать от своей бывшей паствы. Но затеянные ими схизмы вызвали неожиданное последствие.

Митрополит Агустинступил на путь раскола в июле 1941 г., вскоре после занятия германскими войсками Риги. Первоначально его выступление смущило латышские приходы и господило в русских приходах обоснованный страх за судьбу Экзархата, но позднее это выступление было поддержано внутри Епархии лишь очень немногими спечеными группами мирян и всего двумя священниками, из которых один искосялся, а другой отшел от церковных дел. В Латвийской пастве каноническое сознание отдалым образом оказалось сильнее националистических страстей, и она за матежным митрополитом не пошла. Среди русских он стоял, да не имел. Что же касается православных латышей, то они, после некоторых колебаний, прелюбили послеворать не за ним, а за Преосвященным Епископом Александром Малонским и Иаковом Митарским. Оба они, будучи верными сынами латышского народа, были вместе с тем, стойкими Архиастырями Св. Православной Церкви, убежденными поборниками канонической правды и решительными противниками схизмы. Особенно большую роль в деле вразумления и умиротворения латышских приходов сыграл управляющий ими в то время Епископ Александр, который затем, с 28 февраля 1942 г. до кончины своей, последовавшей 30-го июля 1942 г., управлял всею Латвийской Епархией. Преосвященный Иаков, возведенный за свою заслуги Экзархом Указом от 6 июля 1942 г. № 128 в сан Архиепископа, скончался 19 октября 1943 г. Латвийская епархия благоговейно чтит память этих достойных Архиастырей своих, подавших ей высокий пример канонической непреклонности и христианского миролюбия.

В Эстонской епархии положение сложилось иначе. Митрополит Александр вступил на путь раскола в сентябре 1941 г., вскоре после занятия германскими войсками Тарту. В октябре того же года, активно поддержанный сильной группой своих приспешников и покровителей, он разоспал по епархии циркуляр, которым требовал от паствы покиновения и грозил послушникам репрессиями со стороны государственных властей. Все эстонские приходы сразу же за ним последовали. Архиепископ Николай примкнул к нему; среди эстонского духовенства матежный митрополит не встретил оппозиции; из священнослужителей эстонской национальности не уклонился в схизму лишь митрофорный Протоиерей с. Василий Мартинсон, авторитетный и строгий канонист, занимавший от самого ее основания кафедру в Тартуском /ныне Лерпитском/ университете.

При виде «сего происходящего», в русских приходах и монастырях воцарилось смущение. По обстоятельствам военного времени они почти не имели в то время связи ни с Высокопреосвященным Экзархом, — который своим пребыванием в Риге весьма способствовал преодолению опасности раскола в Латвийской епархии, но был в силу тех же, только что упомянутых, обстоятельств лишен возможности свергнуть поездку в Эстонию, — ни с Пресвятым Гавлом епископом Нарвским, который в своем кафедральном граде и его окрестностях решительно и мужественно боролся со схизмой, но был, вследствие нахождения в тыловой полосе фронта, как бы отрезан от прочей своей паствы и потому не мог, в столь трудное для нее время, действительно руководить ею. В виду изложенного русские приходы и монастыри, клирики и миряне чувствовали себя осиротелыми и беспо-

иличными. Им надо было проявить много стойкости и мужества, чтобы в здружаться от уклонения в схизму. Оттуда установить, что за немногими исключениями они эти качества прятали. В схизму сократились лишь два цусских прихода и, что заслуживает сугубого осуждения, Пюхтицкий монастырь. Особенную стойкость в борьбе со схизмой проявили приходы Печерского благочиния чиннического округа под энергичным руководством своего благочинного, митрофорного Протоиерея о. Элия Верхустицкого, не подчинившегося незаконному распоряжению Печерского Городского Головы, который своей властью сместил его с должности и назначил на таковую протоиерея Петра Пяхкеля, одновременно поручив последнему надзор над Печерским монастырем. Благодаря близости Печер к Латвийской границе, Протоиерей Ветусустинскому удалось выступить в связи с Высокопреосвященным Екзархом, который немедленно запретил протоиерея Пяхкеля в священнослужении и достиг того, что пр томеиер Ветусустинский был вновь признан в своей должности местными эстонскими властями. Вместе с тем, Высокопреосвященный Екзарх принял на себя наставительство в Печерском монастыре и просил пополнования схизматиков избегать этим монастырем.

Всё это схизматикам не удалось покорить себе русскую паству, как вследствие их язвенной стойкости, так и вследствие того, что германская власть признала за сторонниками и приверженцами схизмы одинаковые права и допустила с существование в Эстонии двух различных канонических юрисдикций. Поэтому митрополиту Александру пришлось удовлетворять лишь половинным успехом. Но мере того как в Эстонии, сильно пострадавшей от войны, наступало успокоение и восстанавливались нормальные порядки, для Преосвященного Епископа Гевята возникла возможность общаться со своей паствой и руководственными органами, открывая на все. Все силы свои он употребил на то, чтобы удержать и укрепить в себе канонический порядок и грешечь распространение схизмы. За блестящие заслуги свои в этом трудном деле он был возведен Екзархом Указом от 21 декабря 1942 г. № 413 в сан Архиепископа,

Решбу со схизматическими движениями в Латвии и стране вели всеми мерами также и сам Высокопреосвященный Екзарх. Прежде всего он старался воз действовать на местных митрополитов разумением и учением, а затем, когда все эти усилия оказались тщетными, он привел их обоих к первому суду, — митрополита Августина Указом от 25 сентября 1941 г., № 515, а митрополита Александра Указом от 5-го ноября № 129-1У, — одновременно запретив их до суда в священнослужении. В виду того, что оба митрополита, Александр Паулус и Августин Петерсон, нарушили это запрещение, они автоматически, по силе 38 правила Кафагенского Собора, /то же правило Сентагме/ лишились священного сана и ины, состоят в мирянах, лишь сам званно продолжая именовать себя митрополитами. Совершаемые ими священномействия, в частности рукоположение, безблаголатны и недействительны. На основании принадленного канонического правила такая же участь, т.е. лишение сана со всеми вытекающими отсюда последствиями, постигла и всех священноискусителей, не порвавших общения с одним из этих бывших митрополитов. В частности, это касается бывшего Архиепископа Николая Лейсмана и упомянутого выше бывшего Протоиерея Петра Пяхкеля, который, несмотря на наложение на него Высокопреосвященным Екзархом запрещение, продолжал священномействовать и через то лишился сана, а затем, летом 1943 г., был г.г. Паулусом и Лейсманом "хиртонисэн" во "епископа Печерского". Запрещенного Протоиерея Пяхкеля, эта канонически недействительная хиртония превратила в самозванного епископа, лишенног всякой благодати. В то время, как лжеимператор Александр со своими лжеепископами и прочими пропагандистами энергично продолжает свою пропагандистическую работу и управляет

соблазненной им пастрой, лжемитрополит Августин пастры, как уже упоминалось, не имеет и, повидимому, никаких активных действий в настоящее время не предпринимает.

Если бы замыслы схиматиков полностью осуществлялись, то Екзархат был бы фактически разрушен, потому что тогда от него осталось бы одна лишь Литовская епархия. К этой именно цели они и стремились. И делали они это в то время, когда Высокопреосвященный Екзарх удалось организовать дело чрезвычайной важности, а именно, учредить в августе 1941 г. Православную Миссию в русской области, занятой германскими войсками северного фронта. Миссия получила задачу восстановить и организовать разрушенную церковную жизнь в этой обширной области, имеющей двухмиллионное православное население и простирающейся от окрестностей Ленинграда почти до Великих Лук.

В Миссию были отправлены священнослужители из Екзархата, преимущественно из Латвийской епархии. Управление Миссии, которому подчинено все духовенство в ее области, находится в Пскове. Управление Миссии подчинено непосредственно Высокопреосвященному Екзарху. Фактически оно заменяет собою отсутствующее Епархиальное Управление. В главе Управления Миссии стоит ее Начальник, должность которого с 19 октября 1942 г. занимает Митрофорный Протоиерей о. Кирилл Зайц, возведенный за свои заслуги Екзархом Указом от 22 августа № 1330 в сан Протопресвитера. Работа Миссии сильно тормозится отсутствием в ее области достаточного числа священников. Первоначально их было не более 50, ныне же, благодаря прибытию священников из других мест России, а также благодаря многочисленным рукоположениям, совершенным Высокопреосвященным Екзархом, число священников возросло до 175. Это число надо утроить, чтобы вполне удовлетворить испытываемую в области Миссии острую нужду в священниках. С этой целью Высокопреосвященный Екзарх учредил в Вильне Пастырско-Богословские Курсы, Ректором которых состоит непосредственно подчиненный Высокопреосвященному Екзарху профессор Московской Духовной Академии Протопресвитер о. Василий Виноградов. Миссия имеет свое печатное издание, — а именно газету "Православный Христианин", выходящую в Талле с 1942 г. Редактором газеты, непосредственно подчиненным Высокопреосвященному Екзарху, состоит в настоящее время профессор Иван Пименович Четвериков. В Пскове и управлении Миссии организованы Иконописная Мастерская и Церковный Магазин. Огромно перкорно-организационной работы, Миссия показывает свои силы также благотворительности и делу воспитания, уделяя особое внимание заботе об беспризорных детях, обеспечению преподавания Закона Божия в школах и христианскому просвещению молодежи. Более подробный отчет о многообразной и многогранной деятельности Миссии будет дан в другом месте.

С канонической стороны дело Миссии представляется в следующем виде. Миссия действует в области, не принадлежащей к Екзархату. В Епархиях этой области не оказалось ни правящих, ни викарных Архиереев, — в Псковской епархии их не имеется вовсе, а что касается Ленинградской епархии, то они находятся по ту сторону фронта. В области Миссии был обнаружен лишь престарелый Схиепископ Макарий Васильев, бывший настоятель Макарьевского монастыря Петроградской Епархии, ныне пребывающий в Печерском монастыре. Имя на помощь осиротелой и белствущей настие, Высокопреосвященный Екзарх, на основании Указа Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г., принял ее во временное свое окормление впредь до того, когда она вновь получит своих законных архиепастырей, поставленных высшей церковной властью. Ничьих прав Высокопреосвященный Екзарх при этом не покинул. Он лишь организовал в церковно-разрушенной области временно действующую Миссию. При этом область Миссии, подобно самому Екзархату, осталась в канонической юрисдикции Российской Православной Церкви. Не будь

этого обстоятельства, деятельность Миссии не могла бы получить того успеха, которого ей удалось добиться, ибо, как показал опыт, в областях Миссии пастыри и паства чувствуют неразрывную связь со своей родной Церковью и пытаются сильнее чего-либо к представителям чужих им юрисдикций. Только поэтому они и отнеслись к появлению миссионеров из Экзархата не как к нарушению чужих им людей, но как к желанному приходу родных единоверцев. Поддаваясь под экзагогат, эстонские и латышские схизматики грозили сорвать великое и святое дело Миссии, пришедшей на помощь изголодавшемуся по Церкви русскому народу.

Обременительные заботы о Миссии, побуждавшие Высокопреосвященного Экзарха неоднократно выезжать в Псков, и полная тревог борьба за сохранение канонического порядка в Латvийской и Эстонской Епархиях, не позволявшая ему надолго оставлять Ригу, где находятся высшие органы германской государственной власти в Олланде, привели к тому, что Высокопреосвященный Экзарх не мог прогодить достаточно много времени в своей Литовской епархии, куда он также выезжал нередко, но где остался неподолгу. Трудно, однако, приходится епархии, в которой нет постоянного пребывающего Архиерея. Посему Высокопреосвященный Экзарх возымел желание поставить для Литовской епархии Викария. Желание это исполнилось 26-го апреля 1942 г., когда Николай Порфиевич Юльюк, уроженец Литвы, бывший секретарь митрополита Елевферия, принявший с именем Даниила инческий постриг в Св.Духовом Виленском мужском монастыре, был хиротонисан во епископа Каунасского. Хиротония состоялась в Рижском Кафедральном Соборе и была совершена Высокопреосвященным Экзархом совместно с Преосвященными Иаковом Митавским и Александром Мадонским.

Желая вполне упорядочить положение Латvийской и Эстонской епархий и восстановить в них нормальный порядок управления, Высокопреосвященный Экзарх принял решение о создании своим Викариям в Латvии и Эстонии плюва епархиальных Архиерейств. Принимая эти меры, Высокопреосвященный Экзарх воспользовался теми правами, которые у него имелись в силу приобретенного Экзархатом временно-правового положения. При этом Высокопреосвященный Экзарх считался при с изменениями в государственной структурой, поскольку явившей суместность некоторых изменений в порядке управления Епархиями, так и с тем, что Патриархия рассматривала управление Епархиями через Викариев лишь как временную меру, обусловленную тем, что митрополит Агустин и Александр только что вернулись из схизмы в лоне Церкви-Матери и нуждались со стороны последней в усиленном надзоре. Когда оба они возобновили схизму и кафедры их стали вакантными, то сказалась возможная заменить эти кафедры другими лицами, обладающими всеми данными для исполнения русских и эстонских обязанностей епархиальных Архиереев.

Что касается Эстонской Епархии, то Ревельскую кафедру Высокопреосвященный Экзарх оставил, впрель до дальнейшего, незамеченной, сообщив при сем Преосвященному Паулу Архиепископу Нарвскому права Епархиального Архиерея в отношении приходов, сохранивших верность Церкви-Матери. Совокупность этих приходов, выделенная ныне из Эстонской Епархии, составляет Епархию Нарвскую /такая епархия существовала и в Эстонской Церкви, когда последняя входила в состав Константинопольского Патриархата и считалась Митрополией/.

Что же касается Латvийской епархии, то таковая, как упоминалось выше, была передана в управление Преосвященному Александру Епископу Мадонскому. Когда, вследствие его кончины /30 Июля 1942 г./, Латvийская Епархия овдо-